

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственный редактор
А. М. ГРАЧЁВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1994

Рецензенты Л. Н. КЕН, С. Ю. ЯСЕНСКИЙ

ISBN 5-86007-024-1

© Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) Российской Академии наук, 1994
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1994

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ И ЛЕОНИД АНДРЕЕВ (ВВЕДЕНИЕ К ТЕМЕ)

Леонид Андреев был всего лишь на шесть лет старше Ремизова, но несмотря на столь незначительную разницу в возрасте, его имя в сознании Ремизова всегда было окружено неким ореолом «праотеческого чина», «старика Державина», благословившего молодое дарование на творческий путь.

Тема «Леонид Андреев — Алексей Ремизов» имеет несколько аспектов. Во-первых, аспект биографический: история жизненных соприкосновений обоих писателей. Во-вторых, неомифологический: миф о Леониде Андрееве в творческом пространстве Ремизова. И, наконец, историко-типологический: исследование сходства и различия их творческих методов. На важность последнего подхода указывает, к примеру, знаменательность концовки монографии В. А. Келдыша «Русский реализм начала XX века», где именно Андреев и Ремизов объединены вместе как так называемые «промежуточные явления» между реализмом и модернизмом.¹

В настоящей статье сквозь грани разных аспектов будет рассмотрен лишь один эпизод из жизни обоих писателей, сыгравший значительную роль в судьбе Ремизова.

Общезвестен факт, что в 1902 г. в газете «Курьер» были опубликованы первые произведения Ремизова «Плач девушки перед замужеством», «Бebка», «Колыбельная песня».² Все эти публикации были осуществлены при помощи заведующего беллетристическим отделом газеты Леонида Андреева. Ремизов в это время находился в ссылке в Вологде, куда был отправлен как один из руководителей пензенской социал-демократической организации.³ В начале ноября 1902 г. он приезжал в Москву, где познакомился с Леонидом Андреевым.

Такова фабульная схема первой встречи Ремизова и Андреева. Впоследствии она была отражена в посвященной Андрееву главе «Анафема» книги воспоминаний Ремизова «Иверень», написанной в конце 40-х гг., но опубликованной лишь после смерти писателя.⁴

При чтении любых воспоминаний возникает вопрос о соотношении в них реальных фактов и художественного вымысла. Аналогичная проблема должна быть решена и в отношении воспоминаний Ремизова. Для ее исследования было бы жела-

тельно узнать подлинные обстоятельства встречи знаменитого писателя с начинающим литератором, а в идеале, воскресить непосредственные впечатления Ремизова от состоявшегося знакомства. Для большинства воспоминаний подобная проверка их на «истинность» остается лишь неосуществленной мечтой исследователя. Но как же обстоит дело в случае знакомства двух литераторов?

Вероятность установления фактов на основании дневника Ремизова не существует, так как ранние записи дневникового характера были уничтожены Ремизовым еще в 1900-е гг. Но существует еще один своеобразный «дневник» осени 1902 г., сохранившийся в форме писем Ремизова к историку П. Е. Щеголеву, бывшему тогда одним из ближайших друзей Ремизова.⁵ В то время Щеголев также отбывал ссылку в Вологде, поддерживал увлечение своего друга литературой, заинтересованно следил за его первыми писательскими успехами.

В 1902 г. духовная общность Ремизова и Щеголева была столь сильна, что когда они разлучались (в середине года Щеголева вновь арестовали, в конце того же года Ремизов на несколько недель ездил в Москву), то между ними продолжался постоянный письменный диалог. Почти каждый день Ремизов писал Щеголеву о своих литературных трудах, прочитанных книгах, психологическом самочувствии. Письма свидетельствуют, что в это время он внимательно читал и изучал как литературный образец только что вышедшую вторым изданием книгу рассказов Леонида Андреева. К середине 1902 г. относится начало его переписки с Андреевым. В начале июля Андреев прислал ему в Вологду седьмую книжку журнала «Мир Божий» с рассказом «Мысль». Об этом Ремизов сообщал посаженному в тюрьму Щеголеву в письме от 15 июля 1902 г.: «В следующую среду пришлю Вам новую драму Метерлинка „Моппа Ваппа“ и рассказ Андреева, — и то, и другое, конечно, от авторов (...) И драму, и рассказ хвалят Бор(ис) Вик(торович)⁶ и Вер(а) Глеб(овна)». ⁷ В письме от 23 июля Ремизов уведомлял Щеголева, что уже отослал ему андреевский рассказ.

Письма Щеголеву фиксируют круг тогдашних литературных интересов Ремизова. Это преимущественно русская классическая поэзия: Пушкин, Жуковский, Боратынский, чьи произведения были для Ремизова поэтической школой искусства версификации. Из современных авторов ссыльный студент читал в оригиналах только что появившиеся произведения Метерлинка, Пшибышевского, Гауптмана, стихи Андрея Белого, Брюсова и Бальмонта. Кроме русских и иностранных модернистов, единственным современным русским писателем, чье имя постоянно упоминается в письмах, был Леонид Андреев.

В начале 1902 г. Ремизов по совету другого своего приятеля, тоже вологодского ссыльного, Бориса Савинкова, в то время также мечтавшего о литературной славе, послал рассказ «Бebка» В. Г. Короленко, не раз помогавшему молодым талантам войти

в литературу. Литературный метр отверг рассказ из-за неприемлемой художественной манеры. В своем письме он так обосновал неприятие «Бетки»:

«Милостивый государь
Алексей Михайлович!

Очерк Ваш „Бетка“, присланный мне Вашим товарищем Б. Савинковым, я прочел. Для журнала он не подходит уже по своей миниатюрности. Написан очерк литературно, но это как-будто запись слов и движений одного ребенка, не переработанная в художественный типический образ.

Всего хорошего.

Вл. Короленко.

19 $\frac{4}{IX}$ 02

Полтава»⁸

Как видно, в письме четко заявлено неприятие и противостояние старой реалистической литературы, строящейся на «типических характерах» и «типических обстоятельствах», и литературы новой, утверждавшей уникальность человеческой личности и повествовавшей о ней не объективным авторским словом, а словом субъективным, преимущественно в различных подвидах сказовой формы.

Вслед за этим Савинков послал свой рассказ и то же произведение Ремизова другому литературному вождю революционной молодежи — М. Горькому, который, с одной стороны, также раскритиковал их, но с другой переслал их Леониду Андрееву в редакцию газеты «Курьер», сопроводив их, как можно предполагать по косвенным свидетельствам, рекомендательным письмом. Об этом вспоминал сам Ремизов: «Храню память: письма Горького. Немного их, и ни одного оригинала. Письмо из Арзамаса в Вологду на имя Б. В. Савинкова, 1902 г. Отзыв Горького о наших рассказах; рукописи передала ему Л. О. Дан (Цедербаум). Горький советует нам (Савинкову и мне) заняться любым ремеслом, только не литературным: „литература дело ответственное“. И все-таки „хлам“ отослал он в Москву Леониду Андрееву. И наши забракованные рассказы появились в праздничном „Курьере“: 8 сентября 1902 года на Рождество Богородицы — моя Эпиталама (Плач девушки перед замужеством), а на Введение, 21 ноября — мой рассказ „Бетка“».⁹

В начале ноября 1902 г. Ремизов под предлогом свидания с матерью получил разрешение на короткое время посетить свой родной город — Москву. После провинциального вологодского затишья он «с головой» окунулся в культурную жизнь второй столицы. Его письма к Щеголеву из Москвы, отсылавшиеся каждый день, описывают посещения театров, концертов, оперы. И, конечно, первые попытки установления личных контактов с литературным миром.

Одной из таких попыток было посещение Ремизовым редакции газеты «Курьер». В письме от 2 ноября он сообщал Щеголеву: «Дорогой Павел Елисеевич! Заходил в „Курьер“, очень, очень были любезны со мной, Б(орису) В(икторовичу) деньги отошлют завтра. (7 р(у)б(лей) с копейками). Беллетристическим отделом заведует Л. Андреев, секретарь отправляет меня к нему. Пойду в понедельник» (л. 160).

Нетерпение встретиться с Андреевым было столь велико, что 4-го, в понедельник, Ремизов писал в Вологду: «Андреев болен. Пойду завтра» (л. 20 об.). О своей поездке на квартиру Андреева во вторник, 5-го ноября, Ремизов рассказал в письме от 8-го того же месяца:

«Дорогой Павел Елисеевич, кажется, начиная с 4ого не писал Вам, с моей неудачной поездкой к Андрееву: приезжаю на эту проклятую Пресню, и оказывается „спят“, кроме понедельника не принимают, а в воскресенье (10го) должен выезжать в Вам, [т. е. вернуться в Вологду — А. Г.], — иду сегодня в Охран(ное) просить еще „отдыха и срока“, — Андр(ееву) написал прошение о назначении мне часа свидания, через него постараюсь увидеться с Горьким, который живет и будет жить в Москве (разрешено)» (л. 22). На следующий день, 9-го, Ремизов сообщал другу о результатах своих деловых усилий: «В Охран(ном) Отд(елении) задержали меня „пока-что“... Посылаю телеграмму в Д(епартамент) П(олиции); там предполагают, что дадут еще 2 недели. От Андреева до сих пор нет ответа, все же в понедельник пойду. Судьба „Бетки“ — в его руках» (л. 24).

В воскресенье (10 ноября) Ремизов не пошел в Охранное, а посетил его в понедельник 11-го утром и получил разрешение пробыть в Москве еще «две недели» для поправки «слабого здоровья». После урегулирования этого жизненно важного вопроса он и отправился на дом к Леониду Андрееву.

На этот раз встреча состоялась, и в тот же день вечером он написал подробное письмо Щеголеву, в котором так изобразил свое свидание со знаменитым писателем: «Сегодня был у Андреева: в блузе, черных шароварах и лакированных сапогах, подвижный, с чистым говором. „То, что пишу, очень люблю“ — этим выражением он проводил меня. Принял очень приветливо. За стихотворения буду получать минимум 10 руб(лей), „Бетка“ напечатается, за „Колыб(ельную) песню“ боится, что порвут и искалечат. Особенными покровителями моими оказались Горький и Бунин.

Между прочим, хотя и писал Вам, что „готов хоть на льва“, а признаюсь уж, заробел, Бог знает, когда приучусь с людьми разговаривать и не смотреть на них снизу вверх. Вместо Леонид Николаевич называл Леонид Андреевич.

Собирали(сь) познакомит с Горьким; а сейчас не думаю, закричит меня, буду дурак — дураком и досадовать после» (л. 26 об. — 27).

Возможно, что разговор Ремизова и Андреева касался и перспектив дальнейшего сотрудничества Ремизова в «Курьере»

и, в частности, о возможности присылки других стихотворений в прозе, подобных понравившейся Андрееву «Эпиталаме». В архиве газеты «Курьер» (РО ИРЛИ) сохранился автограф этой первой ремизовской публикации, подписанный «Н. Молдаванов». ¹⁰ Почерком Андреева псевдоним зачеркнут и исправлен на настоящую фамилию писателя — «Ремизов». Под текстом имеется помета Андреева о максимальной оплате за строчку.

Вопрос с публикацией произведений был улажен и 22 ноября Ремизову в Вологду пришло письмо от заведующего редакцией «Курьера» И. Д. Новика: «Многоуважаемый Алексей Михайлович!

Ваши „Колыбельная песня“ и „Бebка“ приняты и будут помещены в непродолжительном времени». ¹¹ И, действительно, в ноябре оба произведения были опубликованы в «Курьере».

В феврале 1903 г. Ремизов попросил Андреева прислать ему сведения о своей жизни и творчестве. Пока не удалось установить для какой цели они понадобились Ремизову, возможно, для одного из изданий, организованных Щеголевым. На ремизовскую просьбу Андреев откликнулся следующим письмом:

«Москва II 1903 ¹²

Уважаемый Алексей Михайлович!

Отрывок посылаю.

Что касается автобиографических сведений, то они не велики. Родился в г. Орле в 1871 г.; окончил гимназию в 1891 г., был (нрзб.) в Петербургском унив(ерситете), затем перешел в Московский, каковой и окончил благополучно по юрид(ическому) факультету в 1897 г. Записался в помощники прис(яжного) пов(еренного), но адвокатурой заниматься не стал — дел не было — а вместо того попал в судебные репортеры газеты „Курьер“. Постепенно из репортеров был повышен в фельетонисты — сперва случайные, затем присяжные. В 98 г. написал первый рассказ „Бергамот и Гараська“ — этот год я считаю началом своей литературной деятельности. В сентябре 1901 г. вышла книга рассказов, по днесь выдержавшая 5 изданий. Рассказы мои отдельно и целой книгой переведены на франц(узский), немецкий, чешский и норвежский языки. Кажется и на сербский.

Семья, из которой я происхожу, по роду дворянская, по положению — разночинская. Отец, землемер, умер в 1889 г., не оставив средств. Перебивались — я старший.

Вот, собственно, и все.

Курь(ер) откроется 23 февраля. Отчего не шлете рассказов?

Леонид Андреев». ¹³

Реакция Ремизова на присланную ему автобиографию зафиксирована в его письме Щеголеву от 22 февраля 1903 г.: «Получил от Андреева „Кратк(ие) автобиограф(ические) указания“, нового против „Из моей жизни“ („Ж(урнал) д(ля) в(сех)“

№ 1, 1903) очень мало, больше хронологические данные» (л. 41).

Обрадованный тремя публикациями и дружеским приглашением сотрудничать в «Курьере», Ремизов послал в газету еще ряд стихотворений в прозе, рассказов, основанных на впечатлениях жизни ссыльных, и переводов из польской литературы. Однако ни одно произведение Ремизова больше не появилось на страницах «Курьера». Неслучайно, что еще при первой встрече Андреев упомянул о сомнениях, которые могут возникнуть при чтении произведений Ремизова у других членов редакции газеты. То, что литературные опыты Ремизова понял и принял сам Андреев, еще раз подтверждает то, что он как писатель всецело принадлежал к новой литературе XX века, отталкивающейся от привычной реалистической прозы и поэзии века минувшего. Стихи Ремизова, написанные нерифмованным вольным стихом, полные символистских намеков и зыбких образов, созданные под влиянием Метерлинка и Пшибышевского, были, конечно, непривычны и неприемлемы для редактора-традиционалиста, привыкшего к ясности темы, четкости рифм и строф, социальной направленности произведений. Об этом недвусмысленно было заявлено Ремизову редактором «Курьера» Новиком в письме от 21 апреля 1903 г.: «Многоуважаемый Алексей Михайлович! Ваши стихи, вследствие очень уж их странного характера пойти не могут. В свое время за рассказ „Бebка“ нам сильно досталось, а за эти стихи нам проходу не дадут. Глубоко уважающий Вас И. Новик».¹⁴

Вспомним снова слова В. Короленко о том же «Бebке»: это «запись слов (...), не переработанная в художественный типический образ». Переписка между редакцией «Курьера» и Ремизовым свидетельствует, что Андреев не оставлял надежды продолжить сотрудничество с молодым автором, но иной была позиция других членов редакции газеты. Так И. Новик писал Ремизову 6 декабря 1902 г.: «Многоуважаемый Алексей Михайлович! Рассказ К. Тетмайера „Ксенз Петр“ будет просмотрен не в очередь и помещен в конце декабря или в январе, если он признан будет подходящим. Гонорар за „Бebку“ и „Колыб(ельную) песнь“ будет Вам выслан. Адрес И. А. Бунина: Арбат, меблированные комнаты „Столица“».¹⁵ Однако в другом недатированном письме Новик свидетельствовал, что дело с публикацией рассказа-перевода затягивается: «Рассказ „Ксенз Петр“ у Л. Н. Андреева и еще не возвращен им. Адрес Андреева: Московско-курская ж(елезная) д(орога), ст(анция) Бутово».¹⁶

Осознавая негативное отношение редакции к стихам и переводам Ремизова, Андреев не оставлял надежды на публикацию его рассказов. 5 марта 1903 г. Ремизов сообщал Щеголеву: «Послал в „Курьер“ рассказ „На новый год“ из устьсысольской жизни. Думаю, если станут печатать, все устьсысольские послать в „Курьер“ в виду их взаимной связи, а потом обработать в целое. Будете в Москве, спросите Андреева, как и что, да на

счет гонорара упомяните, нельзя по 5 к(опеек) — грешно, ведь я переписываю, сами знаете, по десятку раз» (л. 44).

Рассказ Ремизова «Новый год» был основан на его впечатлениях от устьсысольской колонии ссыльных. Фабула его заключалась в изображении празднования ссыльными Нового года. Но художественная концепция рассказа была далека от его фабульной основы. В нем присутствовала характерная для ранней прозы Ремизова тема Рока, который безуспешно пытались преодолеть революционеры, стремившиеся своей волей построить «рай на земле». Слепая разрушительная фатальная сила опрокидывала все «головные» человеческие построения, но люди вновь и вновь, пусть и безнадежно, пытались бороться с неумолимым Роком. По настроению и концепции произведение Ремизова перекликалось с рассказом Леонида Андреева «Стена».

Послав рассказ в «Курьер», Ремизов очень интересовался мнением Андреева. В это время Щеголев на короткое время ездил в Москву, и Ремизов просил его: «Будет охота, напишите: не отозвался ли (...) Андреев о рассказе „На новый год“» (л. 47).

К сожалению, ответного письма не сохранилось, но косвенные данные свидетельствуют, что Андреев принял рассказ и рекомендовал его к печати. Характерно, что Новик понял произведение Ремизова как «сезонный» «рождественский» рассказ, о чем он и сообщил Ремизову в письме от 23 октября 1903 г.: «Многоуважаемый Алексей Михайлович! Из Ваших вещей у меня (нрзб.) только: „В новый год“, которая может пойти только в Новый год. Остальные находятя у Андреева, у которого наведу справки при первом удобном случае».¹⁷

4 июня 1904 г. газета «Курьер» была закрыта цензурой, и начавшееся в ней сотрудничество Ремизова было прервано. В дальнейшем сколь бы то ни было близких личных встреч с Леонидом Андреевым у Ремизова не было, хотя их творческие контакты продолжались, в особенности в период выхода альманахов издательства «Шиповник», где был опубликован целый ряд произведений Ремизова, в том числе две повести, центральные для всего его дореволюционного творчества: «Крестовые сестры» (1910) и «Пятая язва» (1912), и начато издание его Собрания сочинений (1910—1912).

Спустя многие годы Ремизов посвятил Андрееву подглавку «Анафема» в главе «Демоны» своей книги воспоминаний «Иверень».

Эта книга — не просто повествование о годах молодости писателя: от момента его ареста в 1897 г. до конца Вологодской ссылки. Это — неомифологическое произведение, в котором биографическая фабульная основа существует равноправно с фабулами литературных произведений и мировыми мифами. Справедливо, хотя и не исчерпывающе, суждение О. Раевской-Хьюз о близости художественной структуры «Иверня» с вол-

шебной сказкой о герое, проходящем испытания в поисках заветного волшебного предмета.¹⁸ Таким «предметом» является самосознание художника, в поисках которого герой проходит через различные испытания.

Глава «демоны», рассказывающая о писателях, помогших Ремизову вступить в литературу, — Леониде Андрееве и Валерии Брюсове, уже в своем заглавии содержит намек на «волшебных помощников» — джинов, ифритов, демонов, открывающих герою путь к заветной цели. Такое толкование подтверждается и тем, что в это время Ремизов изучал цикл сказок «Тысяча и одна ночь», переполненный чудесными помощниками демонического свойства. Но для ремизовского творчества характерна полигенетичность создаваемого художественного образа, присуща она и образу Леонида Андреева, как героя книги «Иверень».

Для Ремизова в позднем периоде его творчества, когда писались книги «Подстриженными глазами», «Иверень», «Пляшущий демон» и др. слово «демон» имело особое значение в авторской мифологии.

Демон — это дух искусства, проявляющегося в разных видах (слово, танец, музыка), воплощающийся в разное время в различных человеческих ипостасях. Во вводной подглавке, предшествующей главкам об Андрееве и Брюсове, проводится различие между бесами, как воплощением нечистой силы, и демонами. «Демоны на Москве, — писал Ремизов, — Петровского завода (...) Календарный черно книжник Брюс, школа математических наук и астрономия. (...) Николай Гаврилович Курганов (...) первая наша хрестоматия, краткие замысловатые повести (...) Демон, как видите, был наш брат. (...) Новые демоны появились на Москве и закишели (...) Шалапин пел Демона, овеяв Москву молодым голосом Лермонтова — его вечерней тоскующей зарей; Скрябин измышлял своего огненного демонического Прометея; Врубель со своим Демоном — на Б. Дмитровке все видели эти разбуженные утренней зарей самоцветы и из пурпурных гребней глядит безумная ночь демонских глаз. Два писателя — они вышли на смену Чехову — два новоявленных московских демона: Леонид Андреев и Валерий Брюсов. (...) К ним и лежал мой путь» (с. 222—223).

Истолкование Ремизовым писательского ремесла как демонического начала тесно связано с представлениями русских модернистов «серебряного века» об особой роли искусства, когда художник является неким посредником между миром кажимостей и сущностей. Но для Ремизова — автора «Иверня» — такие общие постулаты являются, одновременно, и вневременной истиной искусства, и исторической характеристикой изображаемой эпохи рубежа веков.

Называя Андреева и Брюсова «демонами», Ремизов, одновременно, и вводит читателя в контекст их творчества, и дает свое истолкование предназначенной им судьбы. Так главка о Леониде Андрееве названа «Анафема». Это не только воскре-

шение воспоминания о произведении Андреева (Анафема — «Анатэма»), но и библейское восклицание, в переводе с сирийского означающее (а в это время Ремизов вместе с востоковедом Никитиным изучал культуру востока) — «да будет отлучен до пришествия Господа». Этим восклицанием древние иудеи обрекали отлученного на гибель. Т. е. названием главы о Леониде Андрееве Ремизов подчеркивает свое истолкование его судьбы, как роковой и гибельной.

В «Иверне» в трансформированном виде отразились воспоминания о реальной первой встрече с Андреевым, фактографически запечатленной в письмах к Щеголеву. В книге Ремизов редуцирует историю своего первого неудачного посещения квартиры Андреева. По поздней версии он впервые приходит к Андрееву и ему сразу же везет — он встречается с писателем. Далее дан портрет Андреева: «Вдруг неслышно, как в тетаре Мефистофель, появился — и я узнал его по портрету, да таким и представлял себе автора „Бездны“».

Не ужас Гаршина, не отчаяние Глеба Успенского, а роковое — таким вижу Лермонтова, это лермонтовское таилось в его глазах.

Действительно, демон. А стройный, как полицмейстер из моего сегодняшнего сна, и тонкий, чуть бы подлиннее ноги и годится в балет. Черная блуза с растрепанным черным галстуком и волна темных волос.

„Какой настоящий писатель!“ — подумал я и почувствовал всю свою неприглядность и неприкаянность» (с. 227).

Рисуя внешность и психологический портрет Андреева, Ремизов играет сложной цепью ассоциаций, равно ведущих к теме Анатэмы: это и впечатление от внешности Андреева, сближающее его облик с художественной интерпретацией Врубелем лермонтовского Демона, и новое возникновение глубинной ассоциации с ремизовской попыткой публикации в «Курьере» стихотворения «Демон» на тему картины Врубеля, которое оценивалось Андреевым; и впечатления от картин самого Андреева и его увлечения серией офортов Ф. Гойи «Капричос».

Обрисовав внешность Андреева, Ремизов далее передает свой диалог с ним, в котором роли распределяются следующим образом: Ремизов — проситель, напоминающий о себе, о своей рукописи. Андреев — метр искусства, «настоящий» писатель, сначала принявший Ремизова за агента охраны, затем разочарованный тем, что он Молдаванов, а не некая Молдаванова, чей поэтический образ был навеян Андрееву лирикой «Эпиталям».

Сравнив художественный эпизод из книги со сведениями в письмах 1902 г., можно сделать вывод, что Ремизов художественно трансформировал факты, продолжая творить легенду о самом себе, как вечном неудачнике и неумке, попадающем в анекдотические положения, как в обыденности, так и при вхождении в магический мир искусства. Напомню, что в следующей главке о Валерии Брюсове, эпизод первой встречи Ремизова и

Брюсова семантически параллелен встрече с Андреевым, только во второй всячески подчеркивается восприятие Ремизова Брюсовым как подозрительного маньяка.

Леонид Андреев предстает в книге «Иверень» как истинный посланник и житель волшебного мира искусства, «настоящий писатель». А неотъемлемым качеством писателя такого типа является, по Ремизову, бессознательная, стихийная, дионисийская способность творить. Присутствие у Андреева именно этого свойства настойчиво акцентируется. Та же внутренняя идея лежит в основе завершающего главку эпизода их случайной встречи в 1910-х гг.: «...заглянул к нам Леонид Андреев. Он уже написал лучшее свое, своего „Вора“, и погружен был в рассуждение о предметах уму неразборчивых, книг он не читал, и единственной опорой в этой мрачной пустоте осталось его природное огромное дарование.

Я это живо чувствую при встречах, меня всегда радует, и в то же время сиротливо смотрю, еще глубже сознавая свою бездарность. (...) Он пришел, как полагалось его званию „первый русский писатель“...» (с. 229—230).

Композиционно эта вторая встреча завершается новым диалогом двух писателей, как бы возвращающим лейтмотив их первого свидания. Но роли вновь те же. Ремизов настойчиво напоминает Андрееву о первом знакомстве, о своем первом произведении, а Андреев его вновь «не узнает» — не признает, но потом, вспомнив, отвечает: «„Плач девушки“, — повторил он и, подумав, — да, да, как же, — и вдруг уверенно, как только скажешь, вспомнив до последней ниточки — напечатал этот „Плач“, хорошо помню, это кого же... Анна Ахматова? И еще ее рассказ „Буба“» (с. 231).

Таким образом, ремизовская глава об Андрееве в книге «Иверень» не является воспоминаниями об Андрееве. Это замкнутый художественный сюжет внутри макросюжета книги, составленной из автономных «иверней» — осколков. По канве биографических фактов вышит фантастический узор ремизовской легенды.

С большой долей уверенности можно предположить, что и история с мнением Андреева, что «Молдаванов» — псевдоним женщины, и анекдотический финал главки — утверждение об авторстве Анны Ахматовой являются столь характерными для художественного сознания Ремизова трансформациями его легенды о собственной отчужденности, нахождении «не на своем месте» и в житейском, и в литературном мирах. Это свойство его экзистенциального мироощущения. Реальные же факты человеческих контактов Ремизова и Леонида Андреева известны еще недостаточно, но характерно, что в 1919 г. доведенный условиями жизни до отчаяния Ремизов обратился с письмом — просьбой о помощи к находившемуся в Финляндии Леониду Андрееву, продолжая видеть в нем «старшего собрата» по искусству, к чьей дружеской помощи можно прибегнуть.¹⁹

В рамках настоящей статьи была возможность затронуть только два аспекта темы «Ремизов — Леонид Андреев»: биографический и отчасти неомифологический. За рамками ее остается еще один значимый и требующий специального исследования историко-типологический аспект. В качестве лишь одного из начальных подходов к его исследованию укажу на один пример. Опубликованные в сборниках издательства «Шиповник» рассказ Андреева «Тьма» и повесть Ремизова «Пятая язва» повествовали о человеке, берущем на себя право решать судьбу других людей и судить их. Рассказывалось в них и об этих людях, которые для «вождей» представляли абстрактными цифрами и безликими массами. Оба произведения — этическое осмысление революционного деяния, сделанное вскоре после неудавшейся революции. И примечательно, что в поисках некоего инварианта решения существующего антагонизма между «вождями» и «массой» оба писателя обратились к одному и тому же произведению. Это был древнерусский апокриф «Хождение Богородицы по мукам». Как рефрен, в апокрифе повторялись слова: «В другом месте она увидела тьму великую, и спросила святая Богородица: „Что это за тьма такая и кто находится там?“ И ответил архистратиг: „Много душ пребывает в том месте“. И сказала святая Богородица: „Пусть разойдется тьма, чтобы видела я и те мучения“». ²⁰ В финале апокрифа Богородица, видя воочию страдания грешников, сама сходит во тьму, так как не имеет морального права быть в раю, когда столько пребывают в аду. Данный апокриф является архетипом и для повести Ремизова, и для рассказа Леонида Андреева.

В заключение можно отметить, что подчеркнутое в книге «Иверень» противостояние Леонида Андреева и Алексея Ремизова, как двух разных типов писательского сознания, как «настоящего писателя» — «демона творчества» и неудачника, жмущегося в уголку писательского мира, является характерным для Ремизова игровым преувеличением. В действительности есть целый ряд примеров типологического сходства хронологически совпадающих произведений обоих писателей, их обращения к аналогичным темам и близости в подходе к ним. Исследование типологических взаимосвязей творческих систем Ремизова и Андреева позволит ближе подойти к решению остающейся открытой проблемы о так называемом «неореализме» или «символическом реализме» начала века.

Примечания

¹ Келдыш В. А. Русский реализм начала XX века. М., 1975. С. 210—277.

² Соответственно: «Курьер», 1902, 8 сент., 21 и 24 ноября.

³ См.: Грачева А. М. Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // Лица, Биографический альманах. Вып. 3. М.; СПб., 1993. С. 419—448.

⁴ Алексей Ремизов. Иверень. Ред., послесловие и комментарии О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. 388 С. Далее это издание цитируется в тексте с указанием номера страницы.

⁵ РО ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1479—1610. В настоящее время готовится к печати.

⁶ Имеются в виду Б. В. и В. Г. Савинковы — товарищи Ремизова по вологодской ссылке.

⁷ РО ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1479—1610. Л. 12. Далее цитаты на эту рукопись даны в тексте с указанием номера листа.

⁸ РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 249. Л. 3.

⁹ А. Ремизов. Встречи. Петербургский буерак. Paris, 1981. С. 125—126.

¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 349. Ед. хр. 25. 311.

¹¹ РНБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 249, л. 7.

¹² Датирующая помета сделана А. Ремизовым.

¹³ РНБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 249, л. 35—35 об.

¹⁴ Там же, л. 21.

¹⁵ Там же, л. 6.

¹⁶ Там же, л. 20.

¹⁷ Там же, л. 22.

¹⁸ *Olga Raevsky-Hughes. Alexey Remizov's Later Autobiographical Prose // Autobiographical Statements in Twentieth Century Russian Literature. Ed. by Yan Gary Harris. Princeton. New Jersey. P. 52—65.*

¹⁹ Письмо Ремизова Л. Андрееву 1919 г. находится в Финляндии. Благодарю г-на Б. Хелмана за указание о наличии этого документа.

²⁰ Хождение Богородицы по мукам // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 169.